

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный Бородинский
военно-исторический музей-заповедник

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

Источники. Памятники. Проблемы

Материалы XV Международной научной конференции,
9–11 сентября 2008 г.

Можайск
2009

К ИСТОРИИ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ИЗМАЙЛОВСКОГО ПОЛКА

Кончина в январе 1730 г. императора Петра II, когда, по словам современников, «все дела государственные решались в так называемом Верховном тайном совете, состоящем из пяти или шести особ, в котором князь Долго-рукий больше всех голосу имел», привела к попытке «до формы правления касающейся перемены», ограничивающей самодержавие, то есть к попытке не дворцового, а государственного переворота. «Верховники» предполагали «преподнести престол российский такой государыне, которая будет им благодарна за оказанное ей преимущество и, следовательно, из признательности подтвердит все, какие ни будут ей поставлены, условия»¹.

Вдовствующая герцогиня Курляндская Анна Иоанновна приняла предложенные ей «князем Долгоруким и его сообщниками» в Митаве «кондиции». Но, прибыв в Москву, в течение короткого времени, поддержанная рядом сторонников, она собрала достаточно сил и средств, чтобы публично разорвать «кондиции» и восстановить Российское самодержавие.

А.С. Пушкин писал об этом времени так:

Царя не стало; государство
Шаталось, будто под грозой,
И усмиренное боярство
Его железною рукой
Мятежной предалось надежде:
«Пусть будет вновь, что было прежде,
Долой кафтан кургузый! Нет.
Примером нам да будет² швед». —
Не тут-то было. Тень Петрова
Стояла грозно средь бояр.
Бессилен немощный удар,
Что было, не восстало снова;
Россию двинули вперед
Ветрила те ж, средь тех же вод³.

К вооруженной силе, созданной для поддержания и укрепления престола, относятся два новых, после Преображенского и Семеновского, полка гвардии – Измайловский и Конный. Они были сформированы вскоре после воцарения Анны Иоанновны; известно, что не только своим формированием, но и наименованием (по названию села Измайлова) Измайловский полк обязан этой российской императрице.

Перейдем теперь к истории создания лейб-гвардии Измайловского полка, как она была изложена в 1882 г. официальным историографом полка Н.А. Зноско-Боровским.

«...17-го августа 1730 г. генерал-адъютант л.-гв. Семеновского полка полковник князь Голицын сообщил Государственной военной Коллегии Высочайшее повеление о формировании нового полка пехоты из одной гренадерской и восьми мушкатерских рот.

Хотя в повелении и было сказано, что полк формируется на армейском положении, но полку предполагалось дать гвардейское обмундирование и полк предполагалось сделать гвардейским. Набор рядовых для нового полка был поручен Майору Семеновского полка Хрущеву, который и был послан с этою целью в Малороссию в Ландмилицие полки.

Хрущеву предписано было набрать людей высокаго роста и привести их в Москву не позже половины сентября месяца того же года. Унтер-офицеров и капралов предполагалось набрать из соседних армейских полков, которые, согласно словам повеления, должны были состоять из “людей добрых, как в состоянии, так и собою, не весьма малорослых и грамоте умеющих, которые бы могли тот сочиняемый полк обучать по указам и впредь офицерами быть”. Музыканты, барабанщики и нестроевые были назначены по распоряжению военной Коллегии.

24-го августа пришло повеление, что вместо одной гренадерской и восьми мушкатерских рот, сформировать в новом полку три баталиона, по четыре мушкатерския роты в каждом. По приводе, майором Хрущевым, людей в Москву, они были представлены па смотр Императрице, которая и нашла их в отличном состоянии. Вследствие этого состоялся Высочайший Указ, в котором, между прочим, сказано: “Сентября 22-го дня Ея Императорское величество указала, выбрав из ландмилиции, учредить полк в трех баталионах и в одной гренадерской роте, именовать Измайловским и содержать, против л.-гв. Семеновского полка, третьим полком гвардейским, а офицеров определить из лифляндцев и курляндцев и прочих наций иноземцев и из русских, которые, на определенном против гвардии рангами и жалованьем, себя содержать к чистоте в полку могут без нужды и по обучению

приложить свой труд". Таким образом, 22-е сентября 1730 года, есть начало существования л.-гв. Измайловского полка, получившего свое название от села Измайлово – любимой, летней резиденции Императрицы Анны Иоанновны. Высшие офицеры, назначенные в Измайловский полк, были следующие: Шефом или полковником назначен обер-штаб-майстер и генерал-адъютант граф Карл Левенвольде, бывший генерал-адъютантом Императора Петра I. Подполковником назначен генерал-майор Джеймс Кейт – шотландец. Майорами назначены:

- 1) премьер-майор Азовского драгунского полка Иосиф Гампф;
- 2) капитан Иван Шипов (бывший прежде адъютантом генерала Балка);
- 3) капитан Густав Бирон (младший брат известного по истории, Бирона герцога курляндского).

Эти пять лиц первые положили основание Измайловскому полку и вели его – как в мирное время, так и в первых походах молодого полка.

При начальном сформировании полк состоял в следующем составе:

Чины	Гренадерския роты	Мушкетерския роты	Всего*
Полковников	–	–	1
Подполковников	–	–	2
Майоров	–	–	2
Капитанов	1	1	13
Капитан-поручиков	1	1	13
Поручиков	1	1	13
Подпоручиков	1	1	13
Прапорщиков	–	1	12
Сержантов	2	2	26
Каптенармусов	1	1	13
Подпрапорщиков	1	1	13
Фурьеров	1	1	13
Капралов	6	6	78
Барабанщиков	2	2	26
Флейщиков	2	–	2

Кроме того, состояло штатное число артиллерийской команды, называвшейся пушкарями, при одной гаубице и шести трехфунтовых орудиях.

<...>

17-го февраля 1731 года, Измайловцы в первый раз представились

* Численность дается для одной гренадерской и 12 мушкетерских рот без учета нижних чинов (прим. наше. – В.М.).

на смотр Ея Императорскому Величеству на Царицыном лугу за Москвой рекою. Тут они получили знамена, принесли присягу на верность службы. 28-го мая в первый раз заступили в дворцовый караул на смену л.-гв. Семеновского полка и с тех пор начали нести службу наравне с двумя старыми полками.

<...>

В 1735 году Измайловцы потеряли первого своего полковника графа Левенвольде, скончавшагося в Дерпте, а 15-го августа Императрица Анна Иоанновна приняла звание полковника л.-гв. Измайловскаго полка и с этого времени полк постоянно имел шефами или полковниками особ Императорского дома.

<...>

В этом же году некоторые из Измайловцев, а именно: полковник Бирон; капитан-поручики: князь Трубецкой и барон Мейндорф; поручики: фон Левенвольде и князь Бяратинский; подпоручик Гагемейстер; прапорщики: Бок и барон Мейндорф; гренадеры: Коргополов и Стрелков с Высочайшаго разрешения отправились к австрийской армии, для участия в делах против французов.

<...>

При взятии Очакова баталион потерял капитана Толстаго, сержанта из дворян Писарева и трех рядовых убитыми, подполковника Кейта, премьер-майора Гампфа, поручика Левенвольде, подпоручика Бока, прапорщика Релнинскаго, капрала князя Бяратинскаго и 52 рядовых ранеными и 7 рядовых, пропавшими без вести. Вот первые жертвы, принесенные на алтарь отечества Измайловцами. Мир праху героев, павших за веру, царя и отечество»⁴.

Упоминание Н.А. Зноско-Боровского о том, что первый полковник лейб-гвардии Измайловскаго полка граф Карл Густав Левенвольде был генерал-адъютантом императора Петра I и, по словам знавшего его В.А. Нащокина, «много употреблен бывал от его величества в посылки», пробуждает дальнейший интерес к личности этого человека.

Карл Густав Левенвольде – один из трех сыновей барона Герхарда Иоганна Левенвольде, «пленипотенциария» Петра I в Прибалтике в 1710-х гг. По отцу Герхард Иоганн Левенвольде – потомок одного из древнейших рыцарских родов в Прибалтике, а по матери, Изабелле Архарт (Urqhart), он принадлежит к видной шотландской аристократии.

В 1686 г. барон Герхард Иоганн Левенвольде упомянут в источниках как капитан шведской службы в гарнизоне Риги, в 1688 г. он произведен в майоры; он не только друг и близкий родственник известного Иоган-

на Паткуля, но и его ближайший соратник в борьбе против шведских редуций. За это Герхард Иоганн Левенвольде был арестован в 1695 г. шведскими властями, приговорен к смертной казни, позднее помилован и поселился в Курляндии. Вступив в польско-саксонскую службу, он участвовал в Северной войне 1700–1721 годов против Швеции. С 1708 г. он состоит на российской службе и после капитуляции Риги в 1710 г. назначен Петром I его «пленипотенциарием»⁵.

А.С. Пушкин в «Истории Петра» пишет: «1710 <год>. 30 сент.<ября> Петр подтвердил капитуляцию в П. Б. двумя дипломами – по ходатайству барона Левенвольда. Шведск.<ая> редукция была уничтожена, – и Лифляндия искренне радовалась торжеству россиян».

В 1731–1734 гг., после утверждения Анны Иоанновны на престоле, Карл Густав Левенвольде выполняет дипломатические миссии в Европе (так, им подготовлен, например, известный «Договор трех черных орлов»), в том числе и матримониальные⁶: ему поручен поиск партии для Анны Леопольдовны, дочери сестры императрицы. Последние, при монархической форме правления, всегда являются миссиями особо деликатного свойства. Но курирование императорской гвардии, как вооруженной защиты престола, было пожизненно одной из важнейших забот Карла Густава Левенвольде. Именно на этой почве начался его известный разлад с фельдмаршалом Б.Х. Минихом, первопричина которого – неаккуратная попытка вмешательства последнего в дела гвардии⁷.

Напомним в этой связи, что ключевыми лицами Аннинского правления были (с явным разделением ролей) Эрнст Иоганн герцог Бирон (1690–1772), Карл Густав граф Левенвольде (ск. 1735) и Андрей Иванович граф Остерман (1686–1747). Как писал в мемуарах Эрнст Миних (род. 1707), сын фельдмаршала Б.Х. Миниха, «доброе согласие между... вышеименованными мужами... было в тогдашнее время наисовершеннейшее»⁸. И далее: «...Кроме сего, так сказать, всемогущего любимца (Бирона. – *В.М.*), состоял также Карл-Густав, старший граф Левенвольде, в столь великой силе, что хотя и не занимал он никакой должности в министерстве, однако никакие дела не проходили без его ведома и соглашения; даже сам Бирон, который ни с кем другим не хотел делить власти своей у императрицы, не только сего мужа, доколе он жив был, при себе терпел, но даже, чему дивиться должно, некоторым образом его боялся»⁹.

Примечательно и следующее свидетельство, также принадлежащее Эрнсту Миниху: «Личные свойства и качества графа Левенвольде

действительно заслуживали почитания. Сверх острого и пронизательного разума, имел он совершенно честное сердце, был великодушен, бескорыстен и охотно вспомоществовал всем, кои с правым делом или просьбою к нему прибегали. Он жил весьма умеренно и без великолепия. Вид его был важен, но не неприятен, и в домашнем обхождении находили его веселым и шутивным. Друзьям своим делал он добро, и кто однажды вошел к нему в любовь, тот чрез наговорки и клеветы не скоро лишался оной. Но если он однажды кого возненавидел, то уже бывал вовсе непримирим»¹⁰.

О личных качествах Карла Густава Левенвольде пишет и его подчиненный, «природный русский», в то время офицер Измайловского полка, а позднее известный российский военачальник Василий Александрович Нащокин: «...В 1735 году обер-штальмейстер, лейб-гвардии Измайловского полка полковник, ордена Св. Апостола Андрея кавалер, ее императорского величества генерал-адъютант граф фон Левенвольд, который был в Польше полномочным послом и посылан был к цесарю; он же и полк Измайловский привел в изрядный регулярный порядок и в лучшую от других полков экзерцицию; по многих его к государству трудах из немецких краев в С.-Петербург возвратился в тяжелой болезни и просил всемилодливейшую государыню, чтоб отпущен был в деревню его Дерптского уезда, в мызу Ряпину. А при отъезде призвал он всех штаб- и обер-офицеров, со всеми прощался и поехал в последнем состоянии своего здоровья, а по прибытии в свою деревню, как было известно, все домовое распорядя, добропорядочно того же года в апреле месяце умре...»¹¹.

И далее: «...Человек был великого разума, имел склонность к правосудию; к подчиненным, казалось, был строг, только в полку ни единый человек не штрафован приказом его, а все в великом страхе находились, и такой человек, как оный граф Левенвольд, со справедливыми поступками и zelo с великим постоянством, со смелостью, со столь высокими добродетелями редко рожден быть может. Он же при жизни его императорского величества, блаженной памяти государя Петра Великого, был его величества генерал-адъютантом и много употреблен бывал от его величества в посылки. В жизни своей оный граф фон Левенвольд имел охоту к ружью и охотник был до лошадей...»¹².

И наконец (заметим, что свои «Записки» В.А. Нащокин не предназначал к публикации):

«...И так я об оном описал, как подлинное мое есть примечание бесстрастно, ибо я у него в особливой милости не был и чрез его рекомен-

дацию никакой милости в авантаж свой не получал, только писал в сей моей записке из почтения, видя в жизни моей такого достойного человека, который, паче своей славы, общее добро, то есть правдолюбие, наблюдал, что мне случилось видеть и сим засвидетельствовать»¹³.

Именно здесь уместно привести для сравнения текст, принадлежащий перу известного историка В.О. Ключевского: «Не доверяя русским, Анна поставила на страже своей безопасности кучу иноземцев, наезженных из Митавы и из разных немецких углов. Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении. Этот сбродный налет состоял из “клеотур” двух сильных патронов, “каналы курляндца”, умевшего только разыскивать породистых собак, как отзывались о Бироне, и другого каналы, лифляндца, подмастерья и даже конкурента Бирону в фаворе, графа Левенвольде, обер-штальмейстера, человека лживого, страстного игрока и взяточника. При разгульном дворе, то и дело увеселяемом блестящими празднествами, какие мастерил другой Левенвольде, обер-гофмаршал, перешеголявший злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упада на доимочные деньги, выколачиваемые из народа ... Недаром двор при Анне обходился впятеро-вшестеро дороже... чем при Петре I, хотя государственные доходы не возрастали... скорее убавлялись»¹⁴.

Излагая свою концепцию эпохи царствования Анны Иоанновны – историки имеют различные концепции – В.О. Ключевский мог бы знать, что «обер-штальмейстер», т.е. Карл Густав Левенвольде, – “креатура” Императора Петра I (как мы видели, Карл Густав Левенвольде – генерал-адъютант Императора Петра I); его портрет, нарисованный современниками, весьма и весьма отличается от образа «человека лживого, страстного игрока и взяточника», каким его увидел и нарисовал своим читателям историк В.О. Ключевский.

Обратимся теперь, пожалуй, к главному событию в последующей истории Измайловского полка – к его участию в Отечественной войне 1812 года и в Бородинском сражении. Отметим при этом, что с момента формирования полка до Бородинского сражения не прошло и сотни лет.

Вот известный отрывок из рапорта П.П. Коновницына М.И. Кутузову: «...Я не могу с довольною похвалою отозваться Вашей Светлости о примерной неустрашимости, оказанной в сей день полками Лейб-Гвардии Литовским и Измайловским. Прибывши на левой фланг, непоколебимо выдерживали они наисильнейший огонь неприятельской артиллерии, осыпаемые картечами ряды их, несмотря на потерю,

пребывали в наилучшем устройстве и все чины от первого до последнего один перед другим являли рвение свое умереть прежде нежели уступить неприятелю. Три большие кавалерийские атаки неприятельских кирасир и конных гренадер на оба полка сии отражены были с невероятным успехом, ибо несмотря, что кареи, устроенные оными полками были совсем окружены, неприятель с крайним уроном был прогнан огнем и штыками... Одним словом, полки Измайловский и Литовский, в достопамятном сражении 26-го августа, покрыли себя в виду всей армии неоспоримую славою...»¹⁸.

Как известно, за сражение при Бородино Измайловскому полку были пожалованы Георгиевские знамена с надписью «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России в 1812 г.». Все офицеры получили награды, нижние чины – 850 Знаков отличия Военного ордена, причем император Александр I лично возложил знаки на гренадер роты его высочества Павла Герасимова и Трофима Иванова (который, несмотря на три раны, бежал из плена). Особо отличились также фельдфебель Леханов, рядовые Головкин, Щедров, Лыткин, Романов, Руслов, Васильев и Павлов.

Завершая статью, кажется уместным процитировать слова Карла фон Клаузевица о двух причинах победы над врагом. Эти слова звучат по-особому в свете истории лейб-гвардии Измайловского полка: «... Мы же со своей стороны скажем: поход 1812 г. не удался (Бонапарту. – *В.М.*) потому, что неприятельское (российское. – *В.М.*) правительство оказалось твердым, а народ остался верным и стойким, т.е. потому, что он не мог утаться...»¹⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Россия и русский двор в первой половине XVIII века: Записки и замечания гр. Эрнста Миниха. СПб., 1891. Цит. по: Перевороты и войны, М. 1997, С. 335.

² Именно так! Пушкин имел в виду, что прообразом «митавских кондиций» стало государственное устройство Швеции при Ульрике-Элеоноре, когда законодательная власть была в руках депутатов риксдага, а исполнительная власть была в руках правительства (риксрод во главе с канцлером Арвидом Горном).

³ Пушкин А.С. Езерский // Собр. соч.: В 10 т. М., 2005. Т. 4. С. 399. Варианты начальных строф романа. Строфа IV.

⁴ Зноско-Боровский Н.А. История лейб-гвардии Измайловского полка, 1730–1880. СПб., 1882. Гл. 1.

⁵ «...Не можно сомневаться, чтоб множество дел, при новом правлении ежедневно встречающихся, Фельдмаршала не отягощало. Некоторое ему облегчение чинилось присылкою от Государя для управления гражданских, а особливо до Шляхетства касающихся дел, того же Тайнаго Советника Барона Левенвольда, о котором выше сказано, что и в делах до завоевания Лифляндии касающихся великое имел участие. Сие так разуметь должно, что Левенвольд, яко природной и к Российской пользе усердной, да при том по фамилии знатной и обо всем сведущей Лифляндец, как сам первый из своих братьев присягал ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ в подданической верности, так и представлениями и советами своими много к тому способствовал, что все Лифляндское Шляхетство без малейшаго сопротивления и понуждения победителю, или паче сказать освободителю своему повиновалось. По сим его услугам находился он и в великой милости у ПЕТРА ВЕЛИКАГО; потому и не трудно было ему исходатайствовать своему отечеству такие неоцененные привилегии. Государь его отправил Октября 17 дня из Санктпетербурга с указом, чтоб Фельдмаршал ему показал вспоможение, и придал бы ему в товарищи два человека Офицеров, по Немецки или по Латински умеющих». См.: *Миллер Г.Ф.* О происхождении и о службах предков Шереметевых особливо же о славных делах фельдмаршала графа Бориса Петровича и о потомках его. Цит. по: *Миллер Г.Ф.* Избр. труды. М.: Янус-К, 2006. С. 287, 290.

⁶ В такой миссии Карл Густав Левенвольде участвовал не впервые. «...В этот день (22-го марта 1723 г. – В.М.) приехали в Петербург оба Гессен-Гомбургских принца с подполковником Левольдом, который сопровождал их...» – Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого, с 1721 по 1725 год. Цит. по: *Юность державы.* М., 2000. С. 44.

⁷ Говоря об этом разладе, не повлиявшем на взаимное уважение семей, стоит заметить, что, например, известный гуманист Н.Н. Неплюев, основатель Крестовоздвиженского трудового братства, является прямым потомком одновременно Г.И. Левенвольде, Б.Х. Миниха и В.А. Шлиппенбаха.

⁸ *Перевороты и войны.* С. 339.

⁹ Там же. С. 338–339.

¹⁰ Там же. С. 339.

¹¹ Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842. Цит. по: *Империя после Петра, 1725–1765.* М., 1998. С. 245–246.

¹² Там же. С. 246.

¹³ Там же.

¹⁴ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. М., 1910. Ч. 4. С. 391.

¹⁵ Рапорт П.П. Коновницына М.И. Кутузову (19 сентября 1912 г.)

¹⁶ *Клаузевиц К.* О войне. М.: Госвоениздат, 1936. Т. 2. С. 416.